

A photograph of a forest scene. In the foreground, there is a railway track with gravel. Behind it, several trees are visible, including two prominent dark tree trunks on the left and right. In the background, a building with a green roof is partially visible through the branches. The text "АНДРЕЙ ЛАНИУС" is written in red in the upper right, and "БЕДНЫЙ МИХАИЛ" is written in red and underlined in the center.

АНДРЕЙ
ЛАНИУС

БЕДНЫЙ МИХАИЛ

12+

Ланиус Андрей Бедный Михаил

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63520832

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ случайного попутчика о жутком преступлении может так заинтересовать слушателя, что тот, решая выяснить, где в этой истории правда, а где вымысел, начинает собственное расследование.

Ланиус Андрей Бедный Михаил

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ОДНОМ КУПЕ

Глава первая. ПОПУТЧИК

Довелось мне недавно возвращаться в северную столицу из дальней командировки поездом. Был конец апреля, сезон белых ночей еще не начался, и наш скорый шел полупустым. Народ, впрочем, подсаживался, но большей частью в плацкартные и общие вагоны, так что к середине путешествия я по-прежнему находился в своем купе один, уже смирившись с мыслью о неодолимости дорожной скуки.

И тут появился он, мой попутчик.

Он вошел в купе вскоре после того, как поезд мягко тронулся от перрона небольшого райцентровского вокзальчика.

Это был молодой человек, стройный и худощавый, скорее, даже субтильный, что еще заметнее подчеркивал его коричневый, в крупную клетку пиджак с широкими плечами, бывший ему явно не по росту.

Молодой человек учащенно дышал, определенно запыхавшись под тяжестью средних размеров дорожной сумки, которую он бросил сейчас у двери. Его слабые, тонкие паль-

цы нервно подрагивали.

Я как можно приветливее улыбнулся попутчику, одновременно окинув его более внимательным взглядом.

У него была большая, несколько непропорциональная голова. пышная черная шевелюра открывала высокий лоб. Карие глаза смотрели сквозь линзы дорогих очков с любезной предупредительностью. Усики над чуть оттопыренной верхней губой только-только начали пробиваться, борода же и вовсе состояла из нескольких завивающихся волосков, но, несомненно, он давно уже вышел из юношеского возраста, относясь скорее к тому мужскому типу, представители которого сохраняют молодость до преклонных лет. Мне показалось, что ему около тридцати. Но если бы он сказал, что ему 25 или, напротив, 35, то я бы не удивился ни в том, ни в другом случае.

В целом же попутчик внушал доверие и даже симпатию.

– Давайте знакомиться, – предложил я и по праву старшего первым протянул руку: – Владислав Иванович!

– Михаил! – Он вежливо склонил голову. – Просто Миша. – Ладонь у него была прохладная и влажная.

– Снимайте пиджак, Миша, – посоветовал я. – Наш проводник, похоже, пришел на железную дорогу из банщиков. Топит так, будто здесь не вагон, а сауна.

Он кивнул и посмотрел на верхнюю багажную полку, словно прикидывая, хватит ли у него сил, чтобы забросить туда сумку. Но, подумав, затолкал ее под столик. А пиджак

так и не снял, хотя в купе было действительно жарко, и я сидел перед ним в майке.

Мне показалось, что он никак не может отдышаться, и я из лучших побуждений придвинул к нему полуторалитровую пластиковую бутылку пива, почти полную.

– Угощайтесь, Миша!

Он энергично замотал головой, заявив, что принципиально не употребляет спиртное, включая пиво, равно как и все прочие допинги. Затем пошарил в своей сумке и с таинственной улыбкой извлек из нее комплект дорожных шахмат.

– Не возражаете, Владислав Иванович?

– Если только скоротать время, Миша, – твердо ответил я. – Чую в вас сильного игрока. Вы вообще-то кто по профессии?

– Программист.

– Тогда вам и карты в руки!

– Нет-нет, шахматист из меня самый заурядный, уверяю вас! – принялся отнекиваться он. – Я даже теории не знаю. Просто люблю импровизировать... А вы где работаете, Владислав Иванович, если не секрет? – Последний вопрос прозвучал как бы невзначай, но я уловил в нем какой-то затаенный интерес.

– В экспедиции, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

– В научной?

– Отчасти. – Вообще-то, я не любитель говорить в дороге на производственные темы.

– Понятно... – Он снова кивнул, будто заноса мой ответ в какой-то особый реестр.

Признаться, поначалу предложение Михаила сыграть с ним в шахматы несколько насторожило меня. Я достаточно опытный путешественник и имею представление о тех способах, с помощью которых ловкие ребята могут втянуть скупающего пассажира в игру “на интерес” и культурно ободрать его, как липку. Подчеркнуто безобидный имидж Михаила, между прочим, идеально подходил на роль такой вот «подсадной утки».

Но вскоре мои превентивные опасения рассеялись без следа. Попутчик совершенно не пытался усыпить мою бдительность тонко просчитанным проигрышем.

Шахматистом он был, конечно, сильным. Но не гроссмейстером. Он постоянно рисковал, пытаясь ценой ряда жертв завлечь главные силы соперника в безвыходную ловушку. Расчет иногда оправдывался, иногда нет. И уж тогда я не упускал своего шанса.

Общий счет, пожалуй, складывался в мою пользу, что, разумеется, ничуть меня не обольщало.

За игрой мы разговорились.

Михаил оказался интересным и умелым рассказчиком. Речь его журчала, как ручеек. Слова он выговаривал внятно, легко, вкусно, будто горох сыпал, паузы выдерживал в меру, не запинаясь и не повторяясь, искусно владел интригой и умел поддерживать в слушателе, в данном случае – во мне,

интерес к теме.

Вдобавок, как выяснилось, этот молодой человек обладал весьма обширными познаниями по части самых разнообразных сфер человеческой деятельности. Он играючи проводил парадоксальные параллели и аналогии, сыпал именами великих деятелей, датами, цитатами и ссылками.

– В древней Спарте многие годы правил царь Агесилай, – с многозначительным видом повел он одну из своих историй. (По правде говоря, для меня это имя оказалось в новинку.) – Но затем судьба повернулась к нему спиной, и бывший царь оказался на чужбине, став своего рода предводителем наемников. Однажды его с небольшим отрядом окружил в крепости враг, чье войско насчитывало свыше ста тысяч человек. В крепости не было никаких запасов – ни воды, ни пищи. Чтобы расправиться с ненавистным Агесилаем наверняка, враги повели вокруг городских стен в обе стороны глубокий ров. С каждым днем концы рва все ближе и ближе стремились друг к другу, грозя вскоре замкнуть кольцо и окончательно запереть осажденных, которые молились своим богам и уже готовились к смерти. Один только Агесилай с хитрой усмешкой поглядывал со стены на упорные труды своих врагов. А было ему, между прочим, на тот момент за восемьдесят. Завидным здоровьем, понятное дело, он тоже не отличался. Зато у него имелся хитрый план. И вот однажды в темную ночь Агесилай выстроил свое небольшое войско и обратился к нему с речью. Он объяснил, что враги собствен-

норучно устранили опасность для осажденных, выкопав такой ров, что готовая его часть стала препятствием для них самих, лишая их численного превосходства в рукопашном бою. Оставшаяся же узкая перемычка позволяла вести сражение на равных условиях, не опасаясь за свои фланги. То есть, теперь исход сражения зависел исключительно от крепости духа и доблести воинов. Выслушав своего военачальника, солдаты воодушевились и ринулись на прорыв. Победа была полной! – голос Михаила звенел, глаза сверкали воодушевлением, будто парень сам готовился к некоему рискованному прорыву.

– Любопытная история, – отозвался я.

– Разве она не учит, что гибкий ум, опирающийся на смелый дух, всегда и везде, при любом стечении обстоятельств может восторжествовать над грубой физической силой, пусть даже имеющей многократный количественный перевес?! – воскликнул он, требовательно поглядывая на меня.

– Полагаю, этот спартанский царь был хорошим шахматистом, – предположил я. – Вот только не могу вспомнить: древние спартанцы знали про шахматы или нет?

Незаметно стемнело. Зажглось тусклое вагонное освещение.

Я невольно приметил, что с наступлением темноты Михаил как-то странно притих. Он вжался в угол, нахохлился, съежился, затаился в своем большеразмерном пиджаке, ко-

торый он так и не снял. От предложения разделить со мной ужин он отказался. Отказался даже от чая. Весь его рацион за день составили пакет апельсинового сока и крохотное пирожное.

С каким-то тревожным блеском в глазах наблюдал он за моими приготовлениями к чаепитию, точнее, за движениями складного ножа, который я как раз раскрыл перед собой.

Я собирался отрезать кружок копченой колбасы, но тут вагон дернуло, и соскочившее лезвие ножа чиркнуло меня по пальцу. Ранка была пустяковая, но кровь всё же выступила – две-три капли.

Досадуя, я прижал к пальцу бумажную салфетку и направился к проводнику за пластырем. Уже на выходе мельком глянул на Михаила и обомлел. Я знал, конечно, что вид крови – своей или чужой – действует на некоторых людей гнетуще. Но Михаил прямо-таки находился на грани обморока. Я поспешил избавить парня от дискомфортного зрелища.

Когда через несколько минут я вернулся в купе, Михаил сидел на своей полке, вжавшись в угол.

– Вам больно? – покосился он на меня.

– Не о чем толковать, Миша. Обыкновенная царапина, для которой хватило кусочка пластыря.

Он дождался, пока я усядусь, затем выбрался из своего угла, слегка подавшись ко мне:

– Владислав Иванович, можно обратиться к вам с не совсем обычной просьбой?

– Почему бы и нет, Миша?

Он выдержал паузу, словно собираясь с душевными силами, затем спросил, заметно волнуясь:

– Вы не согласились бы выслушать один мой рассказ? Пожалуйста! Для меня это очень важно!

– Миша, нет ничего более естественного, чем выслушивать в дороге рассказы своих спутников, – примирительно отозвался я.

– Спасибо! – воскликнул он, при этом его острый кадык дернулся вверх-вниз. – Я только считаю своим долгом предупредить, что мой рассказ не очень-то короткий. И вы вообще не обязаны слушать его до конца, притом, что он может показаться вам неинтересным. Вы даже можете заснуть, я не обижусь. Понимаете, я должен рассказать эту историю кому-нибудь. Хотя бы и спящему. Может, так даже лучше. Но, знаете, я немножко присмотрелся к вам, и мне кажется, что вы захотите дослушать ее до конца. Во всяком случае, вы наиболее подходящий кандидат в слушатели из тех, кто встречался мне за последнее время. Только у меня будет к вам еще одна просьба: слушайте меня, не перебивая. Если появятся вопросы, я охотно отвечу на них в конце. Извините уж меня за настырность...

Хм! Так он ко мне присматривался? У меня возникло странное ощущение, что, несмотря на смиренный тон и по минутные извинения, мой попутчик-вундеркинд переполнен гордыней, едва маскируемым чувством собственного

превосходства над окружающими

Я придвинул к себе стакан с чаем.

– И о чем же вы собираетесь рассказать, Миша?

Глава вторая. ПРИЗНАНИЕ

Не стану утверждать, что в тот вечер трепетно ловил каждое слово Михаила. Напротив, я почти уверен, что пропустил мимо ушей какие-то подробности начальной фазы его рассказа.

Но позднее, через две-три недели, когда события приняли совершенно невероятный оборот, я всё же пришел к выводу, что ничего существенного из прозвучавшего в купе я не упустил.

Вот его рассказ, за максимальную точность которого ручаюсь.

– Во избежание каких-либо недоразумений позволю себе изменить имена и топонимику, относящиеся к произошедшему, – начал Михаил.

Так вот. Предыстория вкратце такова.

Я закончил школу в одном небольшом городке средней полосы России, после чего поступил в престижный питерский вуз. В другой вуз, тоже питерский и тоже престижный, поступила моя одноклассница Саша – чудесная, редкой доброты девушка, притом большая умница. Я всегда относился к ней очень хорошо, несмотря на то, что меня она почти не замечала. То есть, замечала, конечно, но считала, как бы

это сказать, – ну, большим ребенком. Ладно, дело не во мне. Я ни на что и не рассчитывал. Просто желал ей счастья. По Пушкину: “...как дай вам бог любимой быть другим!” Я ничуть не сомневался, что Саше уготована счастливая судьба. И вдруг, уже после завершения учебы, произошла страшная беда. Саша ушла из жизни. Я был потрясен, полагая, однако, что всему виной трагический, трижды нелепый случай. Но вот некоторое время спустя в моих руках оказался документ, из которого однозначно следовало, что в гибели Саши виноват – целиком и полностью, без каких-либо смягчающих вину обстоятельств – некий господин, житель нашей северной столицы, которого я здесь назову Ухватовым.

Исподволь возникло желание взглянуть на него. И вообще узнать о нем побольше.

Ухватов оказался бизнесменом средней руки. У него был собственный офис с секретаршей, машина, квартира в хорошем районе, дача в ближнем пригороде. Жил он вдвоем со своей второй женой Анной, миловидной, стройной дамой, которая была лет на 10-12 младше его. Самому Ухватову на тот момент исполнилось 39. Был у него, кажется, сын от первого брака, который обитал отдельно и почти не общался с отцом. Первая жена Ухатова повторно вышла замуж и тоже не общалась с бывшим супругом.

А вот новый брак Ухатова не заладился. По слухам, Ухватов горел желанием снова развестись, но ни за что не хотел делить имущество. И будто бы у него с Анной был за-

ключен брачный контракт, в соответствии с которым жена не получала ничего лишь в том случае, если причиной развода становилась ее супружеская измена. И будто бы Ухватов умышленно вел себя так, чтобы спровоцировать жену на адюльтер.

Все эти сведения я собрал на стороне прежде, чем лицезреть этого негодяя вживую.

Напротив его офиса помещалось небольшое кафе с широкими окнами. Там я и расположился однажды в конце рабочего дня за бутылкой минералки.

Ухватова я вычислил сразу же, едва тот вышел из подъезда и направился к своему темно-синему «Форду». Водил машину Ухватов сам.

Фигурой он напоминал сильно разжиревшего Геркулеса, выражением же лица – самодовольного, сытого кабана, готового, впрочем, в любой момент пустить в ход клыки и копыта. Такое вот сложилось первое впечатление об этом субъекте, и оно, отмечу, несколько забегая вперед, оказалось очень точным.

Два-три дня я ходил за ним буквально по пятам. Мне хотелось понять только одно: мучает ли его раскаяние за содеянное? Ведь по его вине погибла чудесная молодая женщина!

Увы! Он будто вычеркнул из памяти недавнюю трагедию. Забыл о ней – вальяжный сибарит, жизнелюб, любитель хорошеньких женщин, застолий, пикников, приятных поездок

и прочих земных радостей. А Саша уже больше года лежала в земле. Клянусь, если бы я почувствовал в нем хоть толику внутренней боли, то отошел бы скорбно в сторону. Но мог ли я смириться с его циничным пренебрежением светлой памяти Саши? Ведь он даже аппетита не потерял! Не-ет, Ухватов должен был ответить за свою преступную низость. Я не имел права его прощать! Да и не хотел.

И вот, собрав оказавшиеся у меня документы, я отправился к известному адвокату, о юридических талантах которого одно время трубила вся пресса. Меня интересовал только один вопрос: существует ли возможность привлечь негодяя Ухвата к ответу? Адвокат растолковал мне, что Ухватов не подлежит уголовному преследованию, что тут можно вести речь разве что о нравственном осуждении. Более того. Если я подам иск и доведу дело до суда, то Ухватов, наверняка, выиграет процесс и, со своей стороны, сможет настаивать на материальной компенсации за причиненный ему моральный ущерб. Более того: при известной настойчивости он без труда может добиться этого. Вот так.

Что же мне оставалось? Отступить в скорбном молчании? О нет! Только не это! Я должен был что-то предпринять. Но что? Этого я еще не знал.

В моей голове крутилась какая-то бесконечная пестрая карусель, но ни одна стоящая идея, как говорится, не выпадала в осадок. Я решил продолжить свои наблюдения за Ухатовым, сделав их более основательными, в надежде, что

сам ход событий подскажет мне верное решение.

Как раз в этот период – шла середина мая – Ухватов перебрался на дачу, расположенную в одном из живописных пригородов Питера, в благоустроенном, обжитом поселке, главной достопримечательностью которого было озеро, ну... назову его для оригинальности Овальным. Да, пусть будет озеро Овальное.

Поселок же назову Васильками. Здесь и вправду вдоль всех обочин синели удивительно яркие, чудные васильки.

Глава третья. ДАЧА УХВАТОВА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Васильки – довольно крупный поселок. С почтой, аптекой, магазинами. В дачный сезон здесь дополнительно открывается с десятков ларьков, киосков и прочих торговых точек, а также пивбар, которому в этой истории принадлежит далеко не последняя роль. Поселок вытянут с севера на юг этаким полумесяцем, охватывающим озеро с восточного берега.

Само озеро и вправду имеет форму большого, почти правильного овала. Его чаша лежит в низинке, образованной склонами пологих, поросших соснами холмов и песчаных дюн. Песок здесь особенный – чистейший, рассыпчатый, почти белый, сверкающий на солнце, будто мириады крошечных жемчужин. На пляже в погожий день яблоку негде упасть.

Зато противоположный берег – западный – почти не тро-

нут цивилизацией. Буквально к воде подступает густой буреломный лес. Говорили, что берег там топкий, болотистый, и что в прибрежных камышовых зарослях водится самая опасная в наших краях разновидность гадюки. Впрочем, нельзя исключить, что эти слухи намеренно распускали местные жители, дабы отвадить от урожайного леса заезжих грибников и сборщиков ягод.

Как бы там ни было, в последние годы Васильки определенно вошли в моду. Многие участки скупил здесь состоятельные горожане, возведя особняки в два и даже в три этажа с вычурными балконами, параболическими антеннами и высоченными заборами. В то же время сохранилось немало деревянных домиков с мансардами и верандами в стиле “дядя Ваня”. Вот один из таких домиков – старый, но отнюдь не ветхий, двухэтажный – и купил Ухватов, причем совсем недавно, в позапрошлом году. То есть здесь, в Васильках, Ухватов был практически новоселом. На тот момент, разумеется. Прошу запомнить это обстоятельство...

Его участок располагался в центральной, наиболее благоустроенной части поселка, в пяти минутах ходьбы от озера, образуя один из углов довольно бойкого перекрестка. Прилегающие соседние участки были застроены новыми кирпичными особняками с кирпичными же высокими заборами и раздвижными металлическими воротами. Видимо, с целью доказать, что и он не лыком шит, Ухватов обнес свои владения – еще в первый год – новым, поистине царским забором

с фигурной решеткой на каменных столбах. Кроме забора, Ухватов поставил кирпичный гараж и бревенчатую баньку, после чего пыл новосела в нем несколько улегся. А может, просто не было денег на постройку дома.

Попутно подчеркну, что дом стоял в глубине участка, половину которого занимали ухоженные грядки. Имелся также небольшой сад, малинник, кусты смородины и крыжовника. Вдоль дальнего забора выстроились в ряд несколько сарайчиков, оставшихся, очевидно, от старого хозяина, а напротив веранды поднялась летняя кухня.

Хотя перекресток перед ухватовской дачей, как я уже отмечал, был бойким местом, всё же в качестве наблюдательного пункта, он, конечно, не годился. А я вдруг понял, что должен знать все-все о порядках в доме. Мне требовалась некая скрытная дозорная точка, откуда я мог бы вести свою слежку в любой час дня и ночи, не вызывая ничьих подозрений.

Какие проблемы? Пространственное воображение у меня развито неплохо. Изучив окрестности, я без труда вычислил несколько дач, вполне отвечающих моим намерениям. Хозяйка одной из них, одинокая болезненная старушка, сдала мне на весь сезон отдельную комнатку в мансарде, которую правильнее было бы назвать голубятней. Но это было именно то, что я искал.

Отмечу мимоходом, что в ту пору я зарабатывал вполне сносно, потребности же имел самые скромные. Поэтому

я мог позволить себе некоторые расходы, требующиеся для продолжения этого благого дела.

Дача, где я обосновался, находилась через два переулка от ухватовской и на первый взгляд никак не подходила для моей цели, тем более что помимо садовых деревьев по всему поселку поднимались высоченные тополя, липы, сосны и ели. Но расчет мой был точен. Из окна моей комнатухи через просветы в разлапистых ветвях просматривалась значительная часть ухватовского двора, в том числе ворота, крыльцо и балкончик над ним. Конечно, расстояние было великовато. Но я и не собирался напрягать зрение. По объявлению в газете я купил у одного отставного шкипера трофейный морской бинокль, и когда посмотрел на ухватовский дом через мощную оптику, то испытал эффект личного присутствия.

Чтобы ненароком не выдать себя блеском линз, я приспособил двойные тюлевые занавески, после чего самозабвенно отдался процессу наблюдения, порой не отлучаясь из своей комнатухи сутками, забывая про сон и пищу, благо никто мне не мешал: хозяйка физически не могла подняться по шаткой лесенке вверх, а другие жильцы проводили дни напролет на озере – лето в тот год выдалось необычайно жарким.

Занявшись регулярной слежкой, я еще не имел никакого определенного замысла. Одно только я знал твердо: высшая справедливость должна восторжествовать!

Довольно быстро удалось выяснить, что постоянных жильцов на интересующей меня даче всего четверо.

Самого Ухватава я покуда не буду касаться, об этом негодяе мне еще придется немало говорить отдельно. Начну с Анны.

Это была миловидная, еще молодая женщина – стройная, светловолосая, голубоглазая, с легкой поступью и мягкими манерами. При другом муже она, в ее возрасте, расцвела бы как яркий цветок, стала бы счастливой хозяйкой дружного дома, блистала бы в кругу друзей и знакомых. Но этот подлец просто изводил ее. Психика этой утонченной, неспособной на резкий отпор женщины находилась в течение длительного времени под прессом беспардонного хамства. Когда-то, я уже говорил, она подписала в силу ряда причин невыгодный для себя брачный контракт. Тогда это казалось пустой формальностью. Тем более что поначалу Ухватов весьма искусно изображал из себя джентльмена, рыцаря. Этот тип даже настоял, чтобы жена не работала. Этаким широким жест с его стороны. И вот все это аукнулось. Сделавшись домохозяйкой, Анна утратила профессиональную квалификацию, потеряла прежние связи и, наконец, всецело подчинилась воле своего мужа-самодура. Чем он и воспользовался со временем. Охладев к жене, этот негодай повел дело к разводу, задумав, однако, выставить Анну, это небесное создание, в роли неверной супруги. Каков мерзавец!

Анне же, с ее слабой волей и трепетной душой, просто

некуда было уходить, не на кого было опереться в огромном равнодушном городе, и оставалось только ждать, что все как-то образуется само собой.

Она курила почти беспрерывно и пригоршнями глотала таблетки. Словно пытаясь забыться, с головой ушла в домашнее хозяйство, вникая в каждую мелочь по кухне, саду, огороду... Она практически не позволяла себе никаких развлечений. Даже на озеро никогда не ходила в одиночку, опасаясь, что заигрывания со стороны незнакомых мужчин еще более осложнят ее взаимоотношения с мужем. А заигрывать с ней пытались очень многие, ибо фигура у нее была, как это говорят всякого рода пошляки, по разряду фотомоделей. Но этот негодяй Ухватов, похоже, не замечал ее достоинств. Спали они в разных комнатах. Он демонстративно пренебрегал ею как женщиной. Бедняжка! Ее психика была на пределе. Периодически с ней случалась тихая истерика. Порой я наблюдал, как Анна, запершись в своей комнате, рыдала в подушку. И тогда мое сердце обливалось кровью...

– Я намеренно с такими подробностями рассказал, каким унижениям подвергалась эта еще молодая, привлекательная женщина, – подчеркнул Михаил, – чтобы вы лишний раз убедились в гнусной сущности негодяя Ухвата, для которого какое наказание не показалось бы слишком жестоким.

Кроме хозяев, в доме обитала еще одна семейная пара. Назову их условно – Садовник и Стряпуха. Как я выяснил позднее, это были дальние родственники Ухвата, потеряв-

шие свой дом и все нажитое в одной из «горячих точек». Ухватов приютил их и обогрел, но взамен потребовал верной службы. И опять же не прогадал. Эти двое фактически стали ему слугами, лакеями, да еще почитали его за благодетеля. Они-то и выполняли основную часть физической работы по дому.

Садовник – жилистый и угрюмый, немногословный мужчина раннепенсионного возраста – возделывал грядки и колол дрова, топил баню и чинил электропроводку. Несколько раз я видел, как он копается в моторе «Форда». Такой вот мастер на все руки. За ворота дачи он выходил крайне редко. Похоже, его мучила бессонница, но довольно своеобразная. Лишенный нормального сна, он клевал носом целый день, дремал на ходу, а присев где-нибудь в уголке или на крылечке, мог совершенно отключиться, но не более чем на 5-10 минут. Анну он как бы не замечал, но при нечаянных встречах с ней отступал далеко в сторону.

Стряпуха – низенькая толстушка, бойкая и смешливая – готовила, стирала и убирала, видя, кажется, в том свое предназначение на земле и охотно принимая его. Анну она всегда привечала ласково, но не из духа противоречия, а в силу своего покладистого, добродушного нрава, да еще почитая в той существо иного, более высокого рода – хозяйку. Спать Стряпуха ложилась сразу же после девяти вечера, спала как мертвая, вставала с петухами и тут же принималась хлопотать по дому, стараясь, однако, лишний раз не грякнуть ско-

вородой или ведром.

Хозяева спали наверху, хотя и в разных комнатах. Садовник и Стряпуха – внизу.

Имелся, впрочем, и пятый обитатель дачи – свирепого вида пес афганской породы по кличке Леонард, огромный, как теленок, и лохматый, как медведь, – вполне подходящая особь на роль собаки Баскервилей. Всю ночь он носился по участку, возникая в самых неожиданных уголках и злобно рыча на запоздалых прохожих.

Глава четвертая. ПОРЯДКИ В ДОМЕ

Однажды я подсмотрел в свой бинокль любопытную сценку.

Поздним вечером некий пьянчуга остановился у решетки ухватовской дачи и принялся водить по металлическим прутьям какой-то железкой. Прыжки Леонарда, похоже, доставляли «музыканту» истинное удовольствие.

На шум вышел Садовник. Он, видимо, попросил пьяного убираться прочь подобру-поздорову, но тот все хорохорился. Садовник ушел в дом и через минуту вернулся с ружьем, вид которого лишь раззадорил выпивоху. Тогда Садовник повесил ружье на сук и спокойно вышел за калитку. Причем Леонарда с собой не взял, хотя тот так и рвался на улицу. Пьянчуга оказался агрессивным и принялся грозно размахивать кулаками. Садовник, однако, ничуть не ступался и ловко заломил тому руку за спину, затем вытолкнул

его к противоположному углу перекрестка, резким ударом в челюсть уложил в кусты, а сам как ни в чем не бывало вернулся на участок. Пострадавший, замечу, поднялся лишь через пару часов, заметно протрезвев и притихнув.

Этот случай показал мне, что Садовник – человек серьезный. И еще: в доме имелось оружие, которым, вероятно, Садовник умел пользоваться.

Не скажу, что эти выводы меня обрадовали. Но и не огорчили. Я ведь не собирался решать это дело силой. Ну какой из меня гладиатор?! Смешно! Я рассчитывал взять другим, а пока продолжил свои наблюдения.

Ухватов вел совершенно беспорядочный образ жизни, домочадцы же вынуждены были подстраиваться под его непредсказуемый режим.

Например, иной раз он выезжал по делам в семь утра, а иногда спал до полудня. Возвращался тоже по-разному – то в шесть вечера, то после двух ночи. Все субботы и многие воскресенья были у него рабочими, но иной будний день он целиком проводил дома. Примерно раз в неделю, обычно вечером, но иногда и с полудня, он принимал гостей. Собирались, как правило, мужчины его круга: трое-четверо-пятеро. Иногда гости приезжали с дамами. Какие-то лица мелькали постоянно, другие появлялись эпизодически. Стол обычно накрывали на улице. Чаше готовили шашлыки, но иногда подавали плов или пельмени. Нередко угощению предшествовала баня. Тогда Садовник перевоплощался в банщи-

ка и хлестал парящихся веничком, разминал хозяину косточки, сгонял с того жирок. Иногда Садовника тоже приглашали к столу, но это не было правилом. А вот Стряпуха за общий стол не садилась никогда, хотя ее, кажется, тоже приглашали. Из напитков Ухватов отдавал предпочтение пиву и в целом знал меру, но иногда под настроение да под шашлычки мог один осушить бутылку-другую водки. Без особых для себя последствий. Разве что на завтра, выезжая в город, глотал «Антиполицай». Своих гостей Ухватов, непременно водил на озеро, иногда дважды, а то и трижды за вечер.

Вообще же купание в водах озера было для него неким ритуалом, настоящим священнодействием.

Вот что еще чрезвычайно важно для понимания последующих событий. Весь наряд Ухватова, отправляющегося из дома на озеро, состоял из узких плавок, разношенных сандалий и широкополой соломенной шляпы. В таком виде он передвигался и по поселку, никого не стесняясь. Он вообще, едва добравшись из города до дачи, первым делом сбрасывал с себя всю одежду и облачался в свой пляжный комплект. Если в гости ожидались одни мужчины, то он и встречал их так. Если приезжали с дамами, то ради приличия он надевал спортивные брюки и легкую безрукавку, но после третьей рюмки сбрасывал все это с шутками и прибаутками.

Вместе с тем – вот странность – он всячески избегал солнца, держась в тени деревьев, а на озере норовил расположиться где-нибудь под сосной, да и соломенную шляпу не

снимал, днем даже плавал в ней. Поэтому его все еще мощное, но уже заметно погрузневшее, оплывающее тело было белым, как у какой-нибудь затворницы, и резко выделялось своей белизной среди прочих загорающих. Думаю, именно из-за этой солнцелюбности он отдавал предпочтение вечерним и даже ночным купаниям. И вообще, каким бы поздним не было его возвращение из города, пусть даже часы показывали два или три ночи, Ухватов, поручив машину заботам Садовника, тут же раздевался и спешил на озеро. Соломенную шляпу по ночам он не надевал, но брал полотенце, которое вешал на шею или обматывал вокруг головы на манер чалмы, и обязательно прихватывал с собой две бутылки пива, одну из которых выпивал по дороге на озеро, а вторую – на обратном пути.

Именно эта его привычка и легла вскоре в основу моего плана отмщения.

Вас, наверное, интересует, а как же вел себя Ухватов по отношению к жене при гостях?

Грубо вел. Грубо и подло.

Притом, как мне показалось, мужчины из числа постоянных гостей Ухатова имели предубеждение против Анны. Порой разыгрывались некрасивые сценки. Анна просто выбегала из-за стола. В бинокль я видел, как она рыдает в своей комнате. Затем она выжидала, пока компания не уйдет на озеро, после чего одевалась и спешила на электричку, иногда самую последнюю.

Я еще коснусь этих ее странных отлучек, но сейчас не хотелось бы нарушать хронологию событий.

Глава пятая. ОЗАРЕНИЕ

Однажды я возвращался в Васильки из города, куда ездил ненадолго по неотложным делам. В электричке купил от скуки бульварную газетку и начал машинально перелистывать ее, думая о своем. А мысли мои были те же самые: как наказать подлеца, как доказать ему, что в мире есть, есть высшая справедливость?!

Я смотрел в некую коротенькую заметку в несколько строк и видел вместо букв самодовольного, сытого Ухватова, планирующего в своих плавках по пляжу, видел его отвратительные жировые складки, его отталкивающей белизны кожу...

Но вот виртуальный образ ненавистного ловкача и циника задрожал и рассеялся, а буквы сложились в слова. Я вдумчиво – раз и другой – перечитал заметку, которую можно было целиком прикрыть не то что сигаретной пачкой – спичечным коробком!

Это было озарение! Да, озарение! В одну секунду я понял, как наказать того, кто не имел права ходить по земле!

Всё оставшееся до Васильков время я не переставал всматриваться в крошечную публикацию, размышляя о том, что, вероятно, тысячи людей прочитали эти строки, слег-

ка подивились приведенному факту и тут же забыли о нем. Но во мне описанный случай замкнул некий важный контакт. Мой мозг, уже давно фильтровавший массу вариантов, в мгновение ока определил оптимальную схему. Абсолютно ясно я увидел, какими средствами мне добиться торжества высшей справедливости. Причем, извините за цветастый слог, я был избавлен от необходимости обагрять свои руки чужой кровью, пускай бы это даже была кровь преступника и мерзавца. Я ведь не палач. И уж тем более не убийца.

От меня требовалось лишь смоделировать некие условия... А дальше – дальше все зависело от воли провидения. От судьбы. От рока. От участи и доли. Причем Ухватов имел все шансы уцелеть. Такая вот русская, или, если угодно, питерская рулетка, извините за некоторую натяжку...

Вот что еще важно: озарившая меня идея гармонично накладывалась на тот факт, что Ухватов передвигался по поселку практически без одежды. Значит, не случайно все так сошлось, да? Значит, тут действительно проявилась высшая воля...

Михаил как-то застенчиво улыбнулся и похлопал себя по пиджаку в области сердца:

– Добравшись до своей мансарды, я первым делом выстриг эту замечочку. Она и сейчас со мной.

– С вами? – я подал голос впервые с начала рассказа, нарушив данное рассказчику обещание. – Нельзя ли взглянуть на нее?

Попутчик энергично покачал головой:

– Если я покажу вам ее сейчас, то пропадет вся интрига рассказа, а главное, нарушится его логика. Пожалуй, вы еще сочтете его неправдоподобным, даже мистическим. Хотя он целиком и полностью построен на реалиях. Нет, Владислав Иванович! Не сейчас. Я обязательно покажу вам заметку, но позднее, когда вы будете готовы к ее рациональному восприятию... – Он сощурился: – Владислав Иванович, скажите по-честному... Я заинтриговал вас хоть на ноготок?

– Можете быть уверены, Михаил.

И правда, начиная с этого места, я слушал его самым внимательным образом.

– Итак, обретя идею, а вместе с ней уверенность, вдохновение и душевные силы, я продолжил свои наблюдения за дачей Ухватава. И очень скоро уяснил, что в кажущемся беспорядке, царившем в доме, есть

некие закономерности, обязательные повторы.

Например, побегі Анны после того, как муж доводил ее до слез в компании своих приятелей. Больше всего меня удивляли не сами побегі – причина их была понятна, – а то обстоятельство, что Анна не появлялась на даче в течение следующего дня и даже следующей ночи, и лишь назавтра, то есть на вторые сутки после вечеринки, Ухватав самолично привозил ее в Васильки на своем «Форде».

Где она пропадала целый день и две ночи? Почему Ухва-

тов реагирует на ее отлучки довольно спокойно? Почему не пытается раздуть скандал в своих интересах? Здесь таилась какая-то загадка, и я должен был разгадать ее прежде, чем двигаться дальше.

Дважды я проследил за Анной, а параллельно собрал кое-какую информацию на стороне, благо это оказалось простым делом.

Анна уезжала к своей матери, нуждавшейся, болезненной женщине, которая занимала небольшую комнатку в перенаселенной, убогой, пьяной коммуналке. Здесь Анна провела многие годы своей жизни, отсюда она вырвалась, выйдя замуж за Ухватова, и сюда же должна была вернуться после развода, если, конечно, последний состоялся бы по причинам, выгодным Ухватову. Надо отметить, что Анна помогала матери в меру своих возможностей, но ведь этот подлец почти не давал ей денег!

Стало мне понятно и то, почему Ухватов как бы поощрял эти «побеги» своей жены. Он-то знал, что больше ей деваться некуда, только в коммуналку, а там у него имелся свой шпион. Ухватов ставил на то, что нервы у Анны однажды не выдержат, и она сблизится с первым же человеком, который скажет ей ласковое слово, тут-то ей и крышка! Ну разве не подлец?!

Между прочим, сам Ухватов был весьма охоч до «клубнички» и расслаблялся на всю катушку. Что правда, постоянной любовницы у него не было. Его привлекали исключи-

тельно девушки по вызову, всякий раз новые. Развлекался он где-то на их территории и никогда ни одну не привозил в Васильки. Иными словами, у этого кабана было правило – «не гуляй, где работаешь и где живешь», от которого он никогда не отступал. В Васильках, к примеру, тоже хватало дам и девиц известного сорта, но Ухватов откровенно их игнорировал. А может, ему вполне хватало девушек по вызову? Не знаю. Просто хочу отметить, что даже у такого циничного мерзавца были свои принципы. И эти принципы идеально укладывались в мою схему.

То есть тут вот что обязательно повторялось: если Анна сбегала в город, скажем, сегодня вечером, то можно было держать пари, что в Васильках она появится не раньше, чем послезавтра. Можно было заключать и второе пари, а именно: на завтра после ее бегства Ухватов вернется из города очень поздно, один, в прекрасном расположении духа и почти сразу же по приезду пойдет купаться на озеро, пускай бы на дворе стоял самый глухой час ночи.

Что касается Стряпухи, то по ней можно было сверять часы: она ложилась спать около половины десятого вечера и просыпалась ровно в половине пятого утра. Причем, за всю ночь ни разу не выходила во двор.

Садовник же бодрствовал в ожидании хозяина. Затем он принимал от Ухвата его одежду, приносил тому из холодильника две бутылки пива и ставил машину в гараж. Это повторялось почти с автоматической последовательностью.

Я также задался простым, но весьма важным для меня вопросом: встречает ли Садовник хозяина, когда тот возвращается с ночного купания? Дело в том, что Ухватов плескался иногда по часу и больше, а иногда ограничивался коротким заплывом. Причем независимо от погоды. Никогда нельзя было угадать, как долго он пробудет на озере. Его возвращение вполне могло совпасть с коротким сном Садовника. Но если такое случится, станет ли Ухватов будить сторожа? Для меня этот вопрос был принципиальнейшим.

Ответ не заставил себя ждать.

Как-то раз ночью Ухватов ушел на озеро. Садовник же, хлопнув бутылочку пива, а может, и еще кой-чего позабористей, долго зевал и наконец задремал в плетеном кресле, проспав возвращение хозяина. Тот и не подумал будить его. Приласкал Леонарда, после чего поднялся наверх и через какую-то минуту уснул, выключив свет. Садовник, проснувшийся через минуту, посмотрел на часы, почесал затылок, затем подошел к калитке, потоптался у нее с четверть часа и, решившись, задвинул засов, рассудив, очевидно, что хозяин уже дома (тот никогда не запирал сам ни ворот, ни калитки, ни дверей – зачем, если в доме есть слуги?). Затем Садовник подозвал к себе Леонарда, потрепал его по загривку и снова задремал.

Очевидно, после опасного существования в «горячей точке» Садовник был убежден, что здесь, в мирном краю, в чинном поселке, ничего из ряда вон выходящего произойти не

может в принципе. Между прочим, все подтверждало такой вывод. За целое лето в Васильках не было зафиксировано никаких происшествий, не считая пьяных драк и одного пожара – тоже по пьянке.

Итак, Садовник – фактически еще и сторож по совместительству, единственный из домочадцев, кто мог бы поднять тревогу ввиду слишком длительной ночной отлучки хозяина, вовсе не имел обыкновения проверять, поднялся ли тот в свою комнату.

Это обстоятельство еще определеннее приближало меня к цели.

Оставался еще страшный пес Леонард.

Надо сказать, что, отправляясь на озеро с гостями, Ухватов почти всегда брал собаку с собой, надев предварительно на нее намордник. Логично было предположить, что ночью он возьмет Леонарда себе в спутники еще охотнее и уже без намордника. Но этого не происходило, что было удивительно.

Вскоре загадка разъяснилась.

Я ведь не только наблюдал за обитателями и гостями дачи в бинокль, но и нередко шел на озеро вслед за их нетрезвой компанией, совершенно уверенный в том, что останусь незамеченным. В пик сезона народ приезжал в Васильки полными электричками, вдоль обочин дороги и на специальных площадках стояли впритык сотни машин, пляж своей многолюдностью напоминал сочинский берег, а главная василь-

ковская улица – Невский проспект. Скрыв глаза под темными очками, надвинув пониже летнюю шапочку с большим козырьком, я пристраивался где-нибудь поблизости от ухватовской компании и внимал хвастливым речам этих современных купчиков.

И вот однажды они заговорили о Леонарде, ибо собака действительно вызывала всеобщий интерес. Ухватов неожиданно поведал, что в прошлом году пес доставил ему массу проблем. Он взял Леонарда на ночное купание, и пока сам плавал, какой-то бродяга польстился на его шмотки, то есть на полотенце, рваные шлепанцы и пакет с бутылкой пива, не заметив в темноте грозного зверя. Короче, пришлось везти покусанного беднягу в больницу, откупаться, сочинять историю для врачей... Такой вот анекдот! С тех пор он не берет с собой Леонарда, если идет один. Да и зачем? Пусть лучше дачу сторожит. Вот там действительно есть что уволочь! При этих словах вся компания самодовольно рассмеялась.

Что ж, я тоже имел повод улыбнуться: отныне грозную псину можно было не принимать в расчет. Огромное облегчение!

Таким образом, к середине июля, после всех наблюдений, слежки и подслушивания, я вплотную приблизился к реализации замысла. Оставались какие-то мелочи. В частности, мне не хватало определенного рода знаний, которые, впрочем, несложно было получить, нырнув на полчаса в Ин-

тернет. Какие проблемы? Я включил свой ноутбук и упрямился за 15 минут. Те сведения, что я почерпнул из мировой паутины, обогатили мой замысел конкретными, точными деталями.

Оставался, пожалуй, последний штрих – осмотр противоположного берега озера. После чего можно было бы приступить к акции.

Но вот тут-то меня постигло жестокое разочарование!

Я не мог найти там того, без чего мой изящный план рушился, превращался в фикцию. То есть, кое-что я находил, но не того качества и не в том количестве. Вот такой осечки я не предвидел! Это был удар!

Нет, теоретически замысел оставался превосходным. Можно сказать без ложной скромности – гениальным. Но теперь создавалось впечатление, что его практическая реализация здесь, на озере, в Васильках, скорее всего, невозможна. Значит, надо искать другую сценическую площадку, надо заманивать Ухватова на нее, надо моделировать новые условия, а это немислимо усложняло процесс, тогда как здесь, в Васильках, все было подготовлено, казалось, самой *природой, самой судьбой*. Не хватало последнего разящего элемента... Неужто Ухватов – вечный любимчик фортуны?

Мною овладело беспредельное отчаяние. Я выбрался из пыльных зарослей и пошел в глубь поселка куда глаза глядят.

Нежданно я оказался перед местным пивбаром. Сейчас-то я не пью ни капли, да и тогда обходил подобные заве-

дения стороной. Но в ту минуту что-то заставило меня войти внутрь. Очевидно, жажда, ибо день выдался по-африкански знойным. А может, судьба, у которой Ухватов вовсе не числился в любимчиках.

В баре было пусто и неуютно. Даже завязтые пивники стремились оказаться в такую жару поближе к воде, благо пиво можно было прихватить с собой. Осознавая, что делаю глупость, я заказал маленькую кружку пива и уселся за столик, чтобы собраться с мыслями.

Глава шестая. ЛЕГЕНДА О ПРОКЛЯТОМ ДВОРЕ

— Ох и засушливое выдалось лето! Сыроежек, и тех в лесу нет! Говорят, вода ушла даже с проклятого двора! Туго верится, но кто знает?! Вы не смотрели? Я-то сам редко бываю на том краю...

К моему столику подошел аккуратнo одетый старичок. Очень древний, морщинистый, вежливый и любезный. Знаете, есть такие одинокие старички, которым дома не с кем словом перемолвиться, и вот они повсюду ищут себе собеседника, впрочем, без всякой назойливости.

Старичок продолжал стоять возле столика, ожидая, очевидно, моей реакции. Прояви я хоть толику черствости, он отошел бы безропотно в сторону, унося свою кружку пива.

Вообще-то, в ту минуту я не был предрасположен к “задушевной” пустопорожней беседе (а что другое мог предложить мне этот старичок-боровичок?), но его реплика, бро-

шенная для затравки, высекла во мне какую-то искру. Я подумал, что раз уж судьба обошлась сегодня со мной так несправедливо, то, может, она пожелает сама же исправить оплошность? А коли так, то, значит, я должен держать уши и глаза открытыми.

Поэтому я в меру приветливо кивнул старичку и вежливо ответил, что никого в Васильках не знаю и о каком дворе идет речь, не вполне понимаю.

Старичок присел. Он уже почувствовал, что заарканил редкого слушателя, и весь преисполнился таинственной важности.

На мой вопрос он ответил не сразу. Сначала представился.. Звали его Лукьяном Мартьяновичем, и был он старожилом Васильков, проведя здесь без малого 70 лет из своих 76.

От него-то я и услышал историю о проклятом дворе, историю, которая гармонично вписалась в мой замысел, придав ему загадочно-мистический оттенок. Не хочу верить, что старичок заглянул в пивбар случайно. Слишком уж вовремя все сошлось. Это сама судьба привела к моему столу носителя недостающей у меня информации. Да, судьба!

Вот что поведал мне Лукьян Мартьянович между редкими глотками светлого пива.

Оказывается, поселок Васильки был основан еще при ба-тюшке Петре I. Озера Овального тогда не существовало. Здесь брали превосходный песок для строительных нужд. Постепенно образовалась чаша, которая и заполнилась во-

дой. Разросся и поселок. Но вскоре началось неладное. Объявился колдун-оборотень, который по ночам высасывал кровь из своих жертв. То одного найдут наутро обескровленным, то другого. Слухи докатились до императора, который распорядился поймать колдуна, вбить ему в сердце осиновый кол, труп сжечь, а прах развеять по ветру. Прислали сюда ловких людей. Те выследили оборотня и казнили его лютой казнью. И все же в спешке сделали что-то не так. Должно быть, кол был не осиновый. И вот, когда мертвого колдуна сжигали, он будто бы ожил на какую-то минуту, расхохотался и страшным голосом крикнул из пламени: «Не выйдет, мол, по-вашему, хоть вы и казните меня, но я буду воскресать в каждом новом поколении и нещадно мстить вашим потомкам!» Сказал и рассыпался прахом!

Говорят, с хитровой важностью продолжал Лукьян Мартынович, что эта история записана даже в одной государственной бумаге, которая и поныне хранится в архиве.

Итак, колдуна изничтожили. Заодно сожгли его избу вместе со всем нечистым скарбом. А изба его в те годы стояла на отшибе, в лесу.

Сделав свое дело, царевы слуги навсегда покинули Васильки. Отомстил ли колдун им, а также их потомкам, неизвестно. Зато известно, что никто не хотел селиться в границах его бывшего двора. И место вроде было удобное, а вот – ни в какую! Притом ближние соседи жаловались, что по ночам оттуда раздаются жуткие звуки – то стон, то хохот, но

как-то глухо, будто из-под земли.

Время шло, нарождались новые поколения, однако по-прежнему не находилось желающих строиться на месте проклятого двора.

Но вот, после большой войны, в Васильках появились не то переселенцы, не то амнистированные. Это были тертые калачи, не верящие ни в бога, ни в черта, и когда кому-то из них власти предложили обосноваться на том самом участке, то новоселы без раздумий согласились.

Быстро поднялся новый дом.

Четверть века все было спокойно.

Уже умерли от обычных хвороб и болячек, от старости самые первые хозяева дома, поставленного на пепелище. В начале 70-х в доме обитала семья из четырех человек – муж, жена, их старшая дочь и сын. В свои 18 лет дочь была писаная красавица – высокая, стройная, с золотыми волосами и глазами, как васильки. Сколько поселковых ребят увивалось за ней! Но она отдала свое сердце городскому парню. Парень тоже был красавец хоть куда! Но что-то недоброе светилось в его глазах. Встретишься с ним взглядом, и будто мороз по коже. Ну ладно...

Сыграли свадьбу. Стало теперь в доме пятеро. Месяц-другой молодые жили как в раю. И вдруг началась вереница страшных несчастий. Сначала утонул в озере сын хозяев – десятилетний мальчик. Мать, которая души в нем не чаяла, стала задумываться, сохнуть и вскоре повесилась в сарае. Не

успели ее похоронить, муж попал под товарняк. А затем и вовсе случилось неслыханное дело, заставившее весь поселок вспомнить подзабытую уже легенду про колдуна.

Ранним утром соседи заметили золотоволосую красавицу, лежавшую ничком посреди огорода в свадебном наряде. Сами подойти побоялись. Вызвали милицию. Оказалось, в красавице нет ни капли крови и в то же время на теле не обнаружили никакой раны. А молодой муж бесследно пропал. Словно испарился.

Ну, ладно. Съехались родственники со стороны девушки, стали делить дом и имущество. Начали тихо-благородно, но постепенно перешли на крик. За этим ором не заметили, как откуда ни возьмись, налетел смерч, невиданный по злобности в нашенских краях. Огромный тополь, что рос у забора, затрещал и рухнул: комлем на толпу, макушкой на крышу. Двоих задавило насмерть, троих увезла «Скорая», один так и остался инвалидом. Пострадал и дом – была разрушена центральная часть крыши. Смерч прекратился так же внезапно, как и налетел. Будто в том и заключалось его назначение – свалить тополь у забора. Во всем поселке не пострадало более ни одно дерево, ни единое строение. Но это не все. Ночью разразилась сильнейшая гроза. Молния ударила в упавшее дерево, и оно мигом вспыхнуло, от него занялась крыша, и пока подъехали пожарные, от дома остались одни только почерневшие стены. Сгорели и все хозпостройки. Но вот какая странность: забор уцелел до последнего колышка!

Год простоял опустевший участок без хозяина. Нашлись, конечно, люди, которые пытались хоть чем-то пожить в пожарищах. Но вот что заметил народ: с каждым, взявшим пусть даже кривой гвоздь из той золы, непременно случалось какое-то лихо — деньги потеряет, морду набьют и тому подобное. Так что в поселке быстро скумекали, что к чему.

Тем временем родственники решили продать злополучный участок. Нашелся городской покупатель. Мы, конечно, намекнули ему: берегись, мол, мужик, опасный товар! Но тот оказался идейным. Я, мол, выше бабушкиных сказок! И вот, только он расплатился, как участок стал покрываться трещинами да ямками, в которых выступала вода. А мужик — ни в какую! Привез движок с насосом, принялся откачивать воду. А сам стоит рядом и смотрит. Ну и досмотрелся. Вдруг дым, шум, лязг, искры, скрежет, движок разлетается на части, и вентилятор от него, продолжавший бешено вращаться, в аккурат сносит голову новому хозяину! И будто бы голова эта плюхнулась в ямку с водой, да и пропала в ней. Так ее и не нашли, голову... Да-а...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.